

П.А. Гейсман

Начало конца Польши

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.А. Гейсман**
Начало конца Польши / П.А. Гейсман – М.: Книга по Требованию, 2013. – 358 с.

ISBN 978-5-4241-8003-3

Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой.

ISBN 978-5-4241-8003-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемые здѣсь матеріалы, вмѣстѣ съ объяснительною запискою, представляютъ введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ Великой; изслѣдованію же этой борьбы и будутъ посвящены послѣдующіе мои труды, которые будутъ основаны какъ на печатаемыхъ нынѣ, такъ и на вновь извлекаемыхъ изъ архивовъ матеріалахъ.

Мысль объ извлеченіи изъ архивовъ печатаемыхъ нынѣ *матеріаловъ* принадлежитъ мнѣ, а исполненіе моему сотруднику, уважаемому **А. К. Ильенко**. Въ составленной мною *объяснительной запискѣ* заключаются: постановка разсматриваемаго вопроса, затѣмъ историческій очеркъ его развитія до 1764 года, законченный болѣе подробнымъ изложеніемъ событій этого года, которыя привели къ тому, что на престолъ Рѣчи Посполитой былъ посаженъ послѣдній ея король, т. е. къ *началу конца Польши*, и, наконецъ, необходимая оцѣнка излагаемыхъ фактовъ и отношеній съ соотвѣтствующими выводами.

Весьма возможно, что найдутся критики, кои сдѣлаютъ мнѣ упрекъ въ принадлежности къ „патріотическому“ направленію и т. п. Не рѣшаюсь судить, правиленъ ли былъ бы подобный упрекъ, но, въ виду его возможности, я не желалъ бы нести большей отвѣтственности, чѣмъ заслуживаю, а потому считаю необходимымъ пояснить, что такъ опредѣляемое „патріотическое“ направленіе существуетъ не въ единственномъ числѣ. Таковыхъ направленій два: изъ нихъ одно страдаетъ склонностью къ преувеличенію значенія всего своего, родного, къ самовосхваленію, а другое, наоборотъ, къ униженію своего родного, къ самобичеванію. При этомъ представители обоихъ направленій руководствуются однимъ и тѣмъ же желаніемъ принести посильную пользу родинѣ, но слѣдуютъ къ этой цѣли разными путями.

Полезь дѣла требуетъ выясненія и познанія голой истины. Съ этой точки зрѣнія оба направленія до извѣстной степени вредны, но, во имя справедливости должно признать, что второе если не явилось, то сдѣлалось извѣстнымъ раньше перваго, и что первое является обыкновенно, какъ необходимое противодѣйствіе второму, возвышая свой голосъ лишь тогда, когда второе не знаетъ мѣры и слишкомъ уже хватаетъ черезъ край. Короче, не будь совершенно ненужнаго самооплеванія, — не было бы и столь же ненужнаго самовосхваленія.

Однако, въ дѣйствительности, оба эти направленія существуютъ на томъ самомъ Западѣ, которому слѣпо поклоняется второе направленіе; существуютъ они у англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, у которыхъ, однако, преобладаетъ не второе, но первое направленіе; у находящихся же между нами и Европою поляковъ преобладаніе перваго направленія еще болѣе велико и безусловно. Тѣмъ не менѣе, никто изъ русскихъ представителей втораго направленія не позволяетъ себѣ относиться съ пренебреженіемъ къ кому либо изъ ученыхъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ или даже польскихъ, не посылаетъ по ихъ адресу упрековъ въ „патріотизмъ“ и т. д.; напротивъ того, чуть ли не говорятъ, что если это сдѣлалъ англичанинъ, французъ, нѣмецъ и особенно полякъ, то это его право, тогда какъ русскій изслѣдователь долженъ лишь съ благоговѣніемъ прислушиваться къ различнымъ „последнимъ словамъ“ и „готовымъ выводамъ“ западно-европейской науки и, относясь къ нимъ болѣе или менѣе рабски, отнюдь не дозволяетъ себѣ устанавливать и выяснять въ исторіи Россіи какіе либо факты и отношенія, имѣющіе положительное значеніе.

Намъ кажется, что настала уже пора отрѣшиться отъ этого рабства и, дозволяя каждому изслѣдователю вносить то или другое освѣщеніе и даже извѣстное субъективное отношеніе къ дѣлу, обращать вниманіе главнымъ образомъ на результаты всего его труда; должно выяснитъ каждому изслѣдователю его увлеченія и ошибки, но не должно относиться предвзято къ его выводамъ особенно, если они въ достаточной степени обоснованы; наконецъ не должно ни „замалчивать“ того или другаго представителя противоположнаго направленія, ни подвергать его труды поверхностной или недобросовѣстной критикѣ.

Въ виду вышесказаннаго, я спокойно представляю мою объяснительную записку на судъ компетентныхъ читателей; указаніе моихъ возможныхъ погрѣшностей вызоветъ съ моей стороны лишь благодарность и будетъ принято къ руководству; примѣненіе же

вышеуказанныхъ несимпатичныхъ приѣмовъ будетъ оставлено мною безъ вниманія.

Но если моя объяснительная записка можетъ вызвать порицаніе, то слѣдующіе за нею матеріалы, надѣюсь, будутъ встрѣчены сочувственно всѣми работающими на соотвѣтствующемъ научномъ поприщѣ, безъ различія направленій. Основываю эту надежду на весьма важномъ значеніи этихъ матеріаловъ въ военно-историческомъ отношеніи, каковое значеніе опредѣляется тѣмъ, что изученіе ихъ способствуетъ выясненію: состоянія нашихъ войскъ въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, ихъ тактики, уставныхъ правилъ и т. д. Печатаемые вмѣстѣ съ тѣмъ маршруты представляютъ матеріалъ, конмъ можно пользоваться при составленіи описанія театра военныхъ дѣйствій въ первую польскую войну Императрицы Екатерины II и другихъ т. п. описаній; сверхъ того ими должно пользоваться въ видахъ выясненія способности нашихъ войскъ къ совершенію маршей; съ этой точки зрѣнія особеннаго вниманія заслуживаютъ маршруты войскъ, находившихся подъ общимъ начальствомъ генераль-поручика *Штофельна*, двигавшихся отъ Чернигова мимо Мозыря, черезъ Овручъ, Корецъ и Житомиръ, къ Сандомиру, Бельзу и Заславлю и т. д., т. е. въ началѣ марша преодолевавшихъ чрезвычайныя затрудненія при движеніи по мѣстности лѣсистой, болотистой и пересѣченной многочисленными ручьями и рѣчками, быстро обрашавшимися (во время разливовъ) въ обширныя водныя пространства и т. п.

Весьма сожалѣю, что не оказалось возможнымъ приложить къ „матеріаламъ“ соотвѣтствующей карты тогдашней Польши, каковая будетъ приложена къ одному изъ слѣдующихъ выпусковъ начатаго мною труда, посвящаемаго изслѣдованію первой польской войны Императрицы Екатерины Великой; въ ближайшій же изъ этихъ выпусковъ будутъ включены и необходимыя указанія и объясненія библиографическаго характера.

П. А. Гейсманъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Что такое представляла изъ себя извѣстная въ исторіи «Польша»?

Если жизнь какого-либо государственнаго организма не сообразуется слишкомъ долго съ требованіями безконечно измѣняющейся обстановки, понимая эту обстановку въ достаточно широкомъ смыслѣ ¹⁾, то, вслѣдствіе неумолимаго теченія событій, ранѣе или позднѣе наступаетъ для этого организма критическій періодъ, въ теченіе котораго онъ можетъ еще обновиться и укрѣпиться, если сохранилъ въ себѣ достаточно жизненныхъ силъ, или же, въ случаѣ недостатка послѣднихъ, катится безостановочно по болѣе или менѣе крутой наклонной плоскости до тѣхъ поръ, пока не падеть окончательно.

Въ такомъ положеніи очутилась въ XVIII столѣтіи *Польша*, зарывшая «свой талантъ въ землю», въ теченіе предыдущихъ столѣтій, начиная со времени соединенія ея съ Литвою и Русью и превращенія въ *польско-литовско-русское* государство и вплоть до печальной эпохи королей изъ Саксонскаго дома.

Въ концѣ среднихъ и въ началѣ новыхъ вѣковъ на Польшу выпадала задача объединенія славянскаго міра и созданія противовѣса съ одной стороны романо-германской Европѣ, т. е. собственно германской ея части, а съ другой—грозной силѣ османской имперіи, утвердившейся (отчасти) на греко-славянской почвѣ и угрожавшей, какъ западному, такъ и восточному христіанскимъ мірамъ. Возможность рѣшенія Польшею этой грандіозной задачи находилась въ зависимости отъ ея государственнаго, общественнаго и военнаго устройства, которое, однако, не представляло задатковъ для созданія дѣйствительной, прочной и устойчивой силы.

Каково же было прежде всего государственное и общественное устройство Польши?

Извѣстный русско-нѣмецкій писатель *Ф. Ф. Смиттъ* ²⁾ говоритъ о немъ слѣдующее:

«Польша, эта несчастная страна, съ своимъ государственнымъ учрежденіемъ, совершенно извращеннымъ въ теченіе времени (продол-

¹⁾ Мы пользуемся здѣсь терминомъ, установившимся уже въ всенной литературѣ, но приводящимъ въ нѣкоторое смущеніе читателей не военныхъ. Во избѣжаніе недоразумѣній поясняемъ, что *обстановка* складается изъ элементовъ *силы, времени и мѣста* а сверхъ того приходится еще считаться съ *волею противника*.

²⁾ *Смиттъ*, острейскій уроженецъ, состоялъ на русской службѣ и, съ разрѣшенія Императора Николая I, имѣлъ доступъ къ русскимъ архивамъ. Онъ написалъ и издалъ два сочиненія, посвященныя паденію Польши (одно на нѣмецкомъ, а другое на французскомъ языкѣ).

жительнаго?).—гдѣ одинъ отдѣльный голосъ значилъ болѣе, нежели голоса всѣхъ (въ силу *liberum veto*),—гдѣ каждый дворянинъ считалъ себя призваннымъ въ короли, а между тѣмъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто уже былъ королемъ, — гдѣ во всемъ смыслѣ господствовало право сильного, и безнаказаннымъ былъ тотъ, кто имѣлъ деньги и власть,— гдѣ сосѣдніе государи имѣли на жалованьи своихъ приверженцевъ и свои партіи, которыя, борясь между собою, держали страну въ постоянной тревогѣ,— словомъ, это государство, съ своею конституціею, подобною анархіи, раздираемое смутами, партіями и междоусобною войною, въ это самое время находилось на высшей степени неустойчивости. Слабый, безсильный король, которымъ всѣ были недовольны; мятежные, могущественнѣйшіе вельможи, которые никого, даже и законъ, не хотѣли признавать выше себя; безпокойное и своевольное дворянство, которое всюду думало видѣть ограниченіе своихъ вольностей и правъ; фанатическое духовенство, которое на всякую снисходительность и терпимость къ иновѣрнымъ религіознымъ партіямъ смотрѣло, какъ на вредную слабость и нарушеніе его правъ; презрѣнное городское, угнетенное крестьянское сословіе — таковы были составные элементы Польскаго государства, которые дикимъ, взаимнымъ противоборствомъ своимъ, содѣлали, наконецъ, почти необходимымъ вмѣшательство иностранныхъ державъ»³⁾.

Нашъ историкъ, профессоръ *Н. Карневъ*, въ своемъ трудѣ «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», знакомитъ русскихъ читателей съ результатами новѣйшихъ изслѣдованій о паденіи Польши и производитъ критическую ихъ оцѣнку, причемъ ставитъ себѣ «главнымъ (руководящимъ) принципомъ... *безпристрастіе*» и притомъ «*безпристрастіе національное*»⁴⁾. Примѣненіе имъ этого принципа къ дѣлу почти безукоризненно, мы говоримъ почти, такъ какъ у г. Карнева можно замѣтить (говоря сравнительно) нѣсколько снисходительное отношеніе къ работамъ и взглядамъ польскихъ писателей и соотвѣтственно снисходительную оцѣнку достигнутой этими писателями степени критико-исторической зрѣлости⁵⁾, что является слѣдствіемъ крайней осторожности г. Карнева (каковая, во всякомъ случаѣ, предпочтительнѣе склонности къ поспѣшнымъ выводамъ) и, пожалуй, перевѣса у него опасеній упрековъ въ «полонофобіи» надъ опасеніями упрековъ въ «полонофильствѣ». Тѣмъ не менѣе и онъ замѣчаетъ, что «въ серединѣ прошлаго вѣка состояніе Польши было таково, что нѣкоторые иностранные публицисты или удивлялись тому, какимъ образомъ государство это не превратилось раньше въ провинцію сосѣдней имперіи⁶⁾, или же пророчили ему въ самомъ близкомъ будущемъ подобную участь»⁷⁾. Затѣмъ, сравнивая Польшу съ другими государствами, онъ же находитъ, что въ ней не было именно тѣхъ двухъ силъ, которыя дѣйствовали въ ходѣ пре-

³⁾ *Ф. Смиттъ*. «Суворовъ и паденіе Польши». Русскій переводъ подъ редакц. ген.-лейт. князя *Голицына*. Стр. 17—18.

⁴⁾ Должно отдать русскимъ людямъ справедливость въ томъ, что они легче всякихъ другихъ, хотя бы даже самыхъ культурныхъ людей, могутъ дойти до *безпристрастія національнаго* и даже склонны удариться въ противоположную крайность.

⁵⁾ Не исключая даже (*horribile dictu!*) *Бобржинскаго* и *Коржона*. О недавно вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи *Алмара* будетъ рѣчь впереди.

⁶⁾ Надъ этимъ удивленіемъ намъ, русскимъ, не мѣшаетъ призадуматься.

⁷⁾ *Н. Карневъ*. «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», стр. 380—381

образованій XVIII вѣка вообще: «польская шляхта до нельзя ослабила у себя правительство, представлявшее собою въ другихъ странахъ государственный интересъ въ борьбѣ съ сословными привилегіями и своекорыстными стремленіями отдѣльныхъ лицъ, и довела до послѣдней степени порабощенія народъ, на который могъ бы дѣйствовать призывъ во имя общаго блага⁸⁾... Польская шляхта, слишкомъ долго рассчитывавшая на европейское равновѣсіе, какъ на охрану бытія Рѣчи Посполитой, думала, что послѣдней можно обойтись будетъ и безъ войска, и безъ финансовъ для сохраненія своей независимости⁹⁾, а для внутреннихъ отношеній, обезпечивавшихъ ея вольность, всякое усиленіе правительственныхъ силъ и средствъ казалось ей вреднымъ и опаснымъ... польское правительство и по своему принципу было организовано ради охраненія интереса сословнаго, ради блага одной шляхты. Польшѣ только предстояло еще создать себѣ правительство, основанное на новомъ принципѣ, а это не могло бы произойти иначе, какъ при содѣйствіи новыхъ общественныхъ слоевъ, которые противопоставили бы сословному интересу шляхты идею общаго блага въ широкомъ смыслѣ... Польскому государству предстояло выйти на новую дорогу, но для этого его главной силъ — шляхтѣ — нужно было подчинить свой сословный интересъ государственному, свои сословныя привилегіи общему благу. Добровольно она этого не могла сдѣлать, такъ какъ ничто не дѣлало изъ нея исключенія среди вообще привилегированныхъ того времени... При такомъ положеніи дѣлъ, при отсутствіи крѣпкой центральной власти, которая соединила бы силы всѣхъ для общаго дѣйствія, при отсутствіи войска и матеріальныхъ силъ у правительства, обязаннаго охранять неприкосновенность государственной территоріи, при слабости патриотизма въ народныхъ массахъ и ихъ привычкѣ никогда не выходить изъ своей апатіи, при крайнемъ консерватизмѣ шляхты, отстаивавшей свои привилегіи вопреки всякой очевидности и призывавшей противъ новыхъ порядковъ иностранную помощь, спасеніе государства было невозможно, разъ и внѣшнія условія оставались тѣ же самыя...»¹⁰⁾.

Нельзя себѣ представить лучшаго адвоката Польши передъ судомъ исторіи, какъ г. Карѣвъ, ибо соответствующіе польскіе писатели хотя и являлись адвокатами болѣе его прилагавшими усилія къ ея обѣленію, но никогда не могли возвыситься до той степени «безпристрастія національнаго», до которой возвысился почтенный нашъ профессоръ; мало того, всѣ они должны быть признаны болѣе или менѣе пристрастными. Вслѣдствіе этого ихъ заключенія и выводы много теряютъ въ цѣнѣ съ научной точки зрѣнія, а потому можно было бы пройти ихъ молчаніемъ. Тѣмъ не менѣе, желая избѣжать упрека въ игнорированіи или уменьшеніи значенія вкладовъ этихъ писателей въ сокровищницу науки, считаемъ необходимымъ привести и ихъ взгляды на рассматриваемый вопросъ.

⁸⁾ Мы не удивились бы, если бы послѣднія слова были произнесены г. Коржономъ, но не понимаемъ, какимъ образомъ могъ ихъ произнести г. Карѣвъ, не введя надлежащей поправки, которую мы и прибавляемъ: русская часть рассматриваемаго «народа» едва ли подчинилась бы призыву во имя общаго блага Польши.

⁹⁾ Послѣ этого является вопросъ, можно ли сказать о польской шляхтѣ, что она «думала»?

¹⁰⁾ Н. Карѣвъ. «Польскія реформы XVIII вѣка», стр. 180—182.

Краковскій профессор *М. Бобржинскій* полагаетъ, что «не границы и не сосѣди, а только... внутренній разладъ довелъ (поляковъ) до потери государственнаго существованія» ¹¹⁾ и, стараясь опредѣлять причины паденія Польши, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: «...Вездѣ... въ другихъ мѣстахъ существовало правительство, которое, усмотрѣвъ зло, раньше или позже поправляло его. У однихъ только насъ (т. е. поляковъ) не доставало этого оздоравливающаго фактора, не доставало правительства, которое въ рѣшительную минуту сокупило бы около себя, хотя и разрозненныя, общественныя силы и придало бы имъ единое направленіе. Если, поэтому, проживъ побѣдоносно столько вѣковъ ¹²⁾, въ концѣ XVIII столѣтія мы не могли противостоять опасности, то единственная причина этого заключалась въ нашемъ внутреннемъ безнравствѣ» ¹³⁾.

Историкъ *І. Шуйскій* ¹⁴⁾, соглашаясь въ общемъ съ объясненіемъ причинъ паденія Польши, которое дано Бобржинскимъ, находитъ не логичнымъ, что послѣдній не сумѣлъ лишить печальную картину національнаго упадка «чрезчуръ рѣжущихъ глаза — яркихъ красокъ» ¹⁵⁾.

Самый безпристрастный изъ польскихъ историковъ *В. Калинка*, въ первомъ своемъ трудѣ «Послѣдніе годы царствованія Станислава-Августа», поставилъ себѣ прежде всего задачей показать, на основаніи историческихъ данныхъ, что поляки сами были виновниками своего паденія, и что несчастья, которыя на нихъ обрушились, являлись заслуженнымъ ими «наказаніемъ», причемъ «главная», если не исключительная причина паденія и всѣхъ бѣдствій лежитъ въ различныхъ недостаткахъ польскаго характера, переходящихъ по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ ¹⁶⁾. По мнѣнію Калинки, «исторія XVIII столѣтія свидѣтельствуетъ, что чужеземныя правительства... не случайно попали въ Польшу; мы (т. е. поляки) сами и постоянно влекли ихъ въ страну, можно сказать, упрашивали ихъ придти» ¹⁷⁾.

Во второмъ своемъ историческомъ трудѣ, подъ заглавіемъ «Четырехлѣтній сеймъ» ¹⁸⁾, *Калинка*, успѣвшій между тѣмъ сдѣлаться ксендзомъ, ушелъ далеко отъ своихъ первоначальныхъ (болѣе свободныхъ) взглядовъ въ области религіи и политики, но, какъ историкъ, сдѣлалъ большой шагъ впередъ. Отмѣтивъ недостатокъ (вѣрнѣе паденіе) ответственности въ польскомъ народѣ, какъ причину слабаго дѣйствія Рѣчи Посполитой извнѣ, онъ находитъ, что въ Польшѣ «было еще нѣчто бо-

¹¹⁾ *Bobrzynski*. «Dzieje Polski w zagysie», II, 336. *Карнезъ*. «Паденіе Польши», 56.

¹²⁾ Бобржинскій, повидному, забываетъ, что въ царствованіе Яна-Казимира Польша была близка къ паденію и что этотъ же король предсказалъ и раздѣлъ Польши.

¹³⁾ *Bobrzynski*, II, 336. *Карнезъ*. «Паденіе Польши», 57.

¹⁴⁾ Авторъ нѣсколькихъ солидныхъ, хотя и не лишенныхъ тенденціозности трудовъ, въ томъ числѣ: «Historji polskiej tresciwie opowiedzianej ksiąg dwanaście». 1890.

¹⁵⁾ *J. Szujski*. «Kilka uwag o Dziejach Polski Michala Bobrzynskiego». *Карнезъ*, 60.

¹⁶⁾ *W. Kalinka*. «Ostatnie lata panowania Stanisława-Augusta». Предисловіе. См. изданіе Жупанскаго «Pamiętniki z XVIII w.». *Карнезъ*, 810—811.

¹⁷⁾ *Kalinka*. «Ostatnie lata», LXV. *Карнезъ*, «Паденіе Польши», 317.

¹⁸⁾ *Kalinka*. «Sejm czteroletni», 1890—1894—1896. Въ 1896 г. вышло 4-е изд. 1-го и I-й части 2-го тома.

лѣе печальное, нежели невоинственность народа, болѣе грозная, хотя и мало замѣчавшаяся болѣзнь, отсутствіе силы, единства общаго направленія»¹⁹⁾. Недовѣряя избирательному королю въ дѣлахъ внѣшней политики, каждая сколько-нибудь значительная семья съ чистою совѣстью (!) считала всегда себя въ полномъ правѣ вести собственную политику, противную королевской²⁰⁾. «Прискорбно признаться, никакое польское правительство не могло уже найти опоры въ собственномъ народѣ... не было въ состояніи одними собственными силами выдержать внѣшнюю или внутреннюю бурю»²¹⁾. Калинка собралъ и обобщилъ все, что до него говорилось о недостаткахъ политической организаціи Рѣчи Посполитой. Тѣмъ не менѣе, онъ видитъ главную причину зла не въ этой организаціи и сходится съ нашимъ историкомъ Костомаровымъ, полагающимъ всю бѣду въ общественной деморализаціи. Его взглядъ на политическое и моральное состояніе Рѣчи Посполитой отличается (говоря сравнительно) большимъ пессимизмомъ²²⁾. Капитальный трудъ Калинки произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на поляковъ, но, въ то же время, вызвалъ возраженія со стороны *Т. Коржона*, стоящаго «на діаметрально противоположной сторонѣ въ отношеніи краковской школы»... «съ подозрительностью литвина... восемь лѣтъ всматривавшагося въ тайны послѣднихъ поколѣній Рѣчи Посполитой не для того, чтобы изъ полученныхъ впечатлѣній дѣлать бичи на мертвыхъ и живыхъ, не для того, чтобы подтверждать результатами изслѣдованій и преподносить для пользованія текущей минуты политическія теоріи — но единственно во имя глубокой потребности искать истину»²³⁾.

Не взирая, однако, на столь прекрасныя стремленія, г. Коржонъ не только не открылъ истины во всемъ ея объемѣ, но даже отчасти затемнилъ ее одностороннимъ направленіемъ своихъ розысковъ, хотя и прославилъ себя также капитальнымъ трудомъ объ этой же эпохѣ подъ заглавіемъ: «Внутренняя исторія Польши въ царствованіе Станислава-Августа (1764—1794). Историческія изслѣдованія съ точки зрѣнія экономической и административной»²⁴⁾. Заслуга Коржона заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ изслѣдовалъ экономическую жизнь и систему управленія въ Польшѣ въ эту эпоху, не изслѣдовавъ, однако, при этомъ системы польскаго самоуправленія, не обративъ надлежащаго вниманія на политическій строй Рѣчи Посполитой, на умственную культуру и общественные нравы польской шляхты²⁵⁾ и даже позволивъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя передержки при опредѣленіи состава населенія Рѣчи Посполитой въ ущербъ русскому и въ пользу польскаго элемента, посредствомъ пропуска правильной этнографической классификаціи и искаженія классификаціи по вѣроисповѣданіямъ. Всѣхъ православныхъ въ

¹⁹⁾ *Kalinka* «Sejm czteroletni» (4-е изданіе), I, 88.

²⁰⁾ Тамъ же, I, 90.

²¹⁾ Тамъ же, I, 94.

²²⁾ По мнѣнію г. Карѣва «крайнимъ пессимизмомъ» См. *Кармелъ*. «Паденіе Польши», 327—328.

²³⁾ *W. Smolenski*. Z dziejów wewnętrznych Polski za Stanisława-Augusta, *Ateneum*, 1887, X, 14. *Кармелъ*. «Паденіе Польши», 341

²⁴⁾ *Tadeusz Korzon*. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława-Augusta (1764—1794). *Badania historyczne ze stanowiska ekonomicznego i administracyjnego*. Kraków. 1882—1886.

²⁵⁾ *Кармелъ*. «Паденіе Польши», 371—372.

Польшѣ онъ насчитываетъ передъ 1772 годомъ около 550.000 чел. при 3.790.000 униатовъ и 100.000 раскольниковъ; въ то же время онъ находитъ, что католиковъ въ Польшѣ было не много меньше половины всего народонаселенія, и, только присоединивъ къ нимъ униатовъ и татаръ, можно было составить большинство въ 7,3 милліоновъ расположеннаго къ Польшѣ населенія надъ 1,5 милліонами населенія равнодушнаго или прямо враждебнаго ²⁶⁾. Г-нъ Карѣевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что если бы авторъ принялъ въ расчетъ національныя отношенія, то униатовъ, легко переходящихъ въ православіе, ему пришлось бы занести въ одну группу съ православными, а не съ католиками; ис этого мало; желая уяснить себѣ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ тогдашней Польшѣ, слѣдуетъ, отнюдь не довѣряя цифрамъ, приводимымъ г. Коржономъ, обратиться къ иному способу опредѣленія, если не общаго итога народонаселенія Польши, то, по крайней мѣрѣ, числительности различныхъ его частей, отдѣляя преданную Рѣчи Посполитой отъ враждебной и равнодушной.

На основаніи статистическихъ данныхъ, обработанныхъ лучшими представителями современной науки (нашими и иностранными), на всей территоріи бывшей Рѣчи Посполитой въ 1885 г. обитало 33.006.280 человекъ обоюга пола, а въ томъ числѣ: а) *по народностямъ*: русскихъ 13.547.856 чел. (41,05%), поляковъ 9.916.774 чел. (30,04%), литовцевъ 2.523.296 чел. (7,64%), нѣмцевъ 2.409.203 чел. (7,30%), евреевъ 4.534.419 чел. (13,74%) и прочихъ 74.732 чел. (0,23%) и б) *по вѣроисповѣданіямъ*: православныхъ 10.033.744 человекъ (30,40%), униатовъ 2.679.390 чел. (8,11%), римско-католиковъ 13.802.992 чел. (41,82%), протестантовъ 1.796.992 чел. (5,44%) и (не считая евреевъ) прочихъ 158.743 чел. (0,49%) ²⁷⁾. Такимъ образомъ, господствовавшая въ Рѣчи Посполитой польская народность составляетъ нынѣ ²⁸⁾ менѣе $\frac{1}{3}$ всего населенія обитавшаго на ея территоріи, и только съ присоединеніемъ къ ней литовцевъ доходитъ до 37,68%, т. е. все-таки уступаетъ первенство русской народности (41,05%). Пользуясь данными, приводимыми г. Коржономъ и вводя въ его показанія соответствующія поправки, можно думать, что наканунѣ перваго раздѣла Польши, эти отношенія были еще болѣе невыгодны для польской и еще болѣе выгодны для русской народности, ибо въ то время русскіе составляли 49,55% населенія Рѣчи Посполитой, тогда какъ поляки съ литовцами не болѣе 38% — 40%. Это подтверждается при сопоставленіи данныхъ, показывающихъ составъ населенія той же территоріи бывшей Рѣчи Посполитой по вѣроисповѣданіямъ: въ 1772 г. католики въ ней составляли 38,20%, а въ 1885 г. они усилились до 41,82%, т. е. въ теченіе періода времени съ 1772 до

²⁶⁾ Тамъ же, 344—345. Если бы русскій писатель сдѣлалъ то же самое въ пользу русскаго или православнаго элемента населенія, то онъ подвергся бы расстрелу, но такъ какъ это сдѣлалъ полякъ, то ему возражаютъ весьма мягко.

²⁷⁾ См. приложенныя къ сему таблицы №№ 1—4, составленныя на основаніи данныхъ, обработанныхъ профессорами Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба г.-м. П. О. Щербовымъ-Нефедовичемъ и полковникомъ А. М. Золотаревымъ и др., и вложенныхъ въ «Энциклопедію военныя и морскія науки», а также на основаніи данныхъ, заключающихся въ различныхъ изданіяхъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба и въ соответствующихъ изданіяхъ прусскихъ и австрійскихъ.

²⁸⁾ Большой разницы въ отношеніи процентнаго содержанія между 1885 и настоящимъ годами быть не можетъ.

1885 года (113 лѣтъ) католики на означенной территоріи усилились на 3,62%. Такое усиленіе католицизма, а слѣдовательно и полонизма, послѣдовало въ ущербъ восточнымъ церквамъ ²⁹⁾, т. е. православію и насчетъ русской народности, ибо въ теченіе того же періода 1772—1885 гг. православные и униаты потеряли значительную часть своихъ силъ, понизившись съ 48,45% на 38,51%; равнымъ образомъ понизилась и русская народность съ 49,55% на 41,05% ³⁰⁾. Тѣмъ не менѣе, не взирая на эти неутѣшительные для русскихъ результаты мирной борьбы ихъ съ поляками со времени начала паденія Польши и до нашихъ дней, не трудно видѣть, что и въ настоящее время на всей территоріи бывшей Рѣчи Посполитой численное первенство принадлежитъ русскому элементу, послѣ котораго уже слѣдуетъ польскій (хотя бы даже соединенный съ литовскимъ); наканунѣ же перваго раздѣла Польши русскій элементъ былъ еще сильнѣе и составлялъ около половины всего населенія Рѣчи Посполитой, которую поэтому слѣдуетъ именовать *польско-литовско-русскимъ* государствомъ. Въ то же время, однако, въ отношеніи религіозномъ, условія болѣе благоприятны для полонизма, ставшаго подъ знамя католичества и, до извѣстной степени, не ошибавшагося въ своихъ расчетахъ, ибо, благодаря этому, поляки сумѣли внести смуту и раздоры въ среду православной (и русской) части населенія Рѣчи Посполитой, оторвать отъ нея 0,87 ея состава, обратить ее въ унию, подготовить ее къ переходу въ католицизмъ и, такимъ образомъ, нанести и русскому элементу сильнѣйшіе удары, отъ которыхъ послѣдній не оправился еще и въ наше время ³¹⁾. Вотъ почему польскіе писатели или избѣгаютъ правильной этнографической классификаціи, или же замѣняютъ ее болѣе или менѣе искаженною классификаціею по вѣроисповѣданіямъ ³²⁾. Поэтому и труды ихъ (сколь бы они ни были капитальны) грѣшатъ обыкновенно отсутствіемъ того «національнаго безпристрастія», котораго совершенно справедливо требуетъ нашъ писатель г. Карѣвъ и котораго болѣе, чѣмъ достигъ онъ самъ, но о которомъ нечего и помышлять взятому имъ подъ свое покровительство г. Коржону. Это видно отчасти и изъ упомянутаго труда г. Карѣва. Соглашаясь съ нимъ на этотъ разъ, признаемъ и мы, что Коржонъ, главнымъ образомъ, польскій историкъ въ томъ смыслѣ, что съ его точки зрѣнія важнѣйшею задачею являлось «очищеніе польскаго общества по отношенію ко многимъ упрекамъ»... «обнаруженіе успѣховъ, какіе дѣлала Рѣчь Посполитая въ послѣднее 30-лѣтіе своего существованія» ³³⁾ и т. п., тогда какъ съ рус-

²⁹⁾ Православной и оторванной отъ ней Греко-Уніатской.

³⁰⁾ Самъ собою является вопросъ: каковы же были причины, вызвавшія ослабленіе русскаго и усиленіе польскаго элемента при такихъ условіяхъ, когда, казалось бы, можно было бы ожидать обратнаго? На этотъ вопросъ мы постараемся отвѣтить въ другомъ мѣстѣ.

³¹⁾ Это видно отчасти изъ прилагаемой къ сему таблицы № 5, показывающей, что въ настоящее время на территоріи бывшей Рѣчи Посполитой русская народность состоитъ изъ трехъ частей: *православной* (74,66%), *уніатской* (19,78%) и *католической* (6,16%).

³²⁾ Намъ не понятно слишкомъ снисходительное отношеніе нашихъ ученыхъ къ подобнымъ приѣмамъ польскихъ «историковъ», за которыми какъ бы признается право вносить въ науку свой польскій патриотизмъ, тогда какъ наоборотъ къ своимъ же русскимъ писателямъ замѣчается нерѣдко совершенно обратное и притомъ явно несправедливое отношеніе.

³³⁾ Т. е. тогда, когда уже какіе бы то ни было успѣхи не могли поправить того, что было испорчено вѣками.